Если спуститься из Белого города вниз, миновать служебные и защитные уровни футуристического рая, продолжить путь через коммуникационные узлы туда, куда иногда даже не проникают солнечные лучи, можно попасть в совершенно другой мир.

Старый, или, как его ещё называют сами жители, Серый город. Из асфальта и бетона, освещённый старомодными электрическими фонарями и неоновой рекламой. Здесь почти не встретить флаеров и роботов, автоматических терминалов и незапертых дверей. Здесь человеку приходится работать, чтобы свести концы с концами, и особенно — если он хочет в жизни добиться чего-то большего, чем квартирка-пенал в недрах бетонной коробки.

По улице, негромко стуча небольшими копытцами, бежала пони, одетая в драную серую футболку и просторные чёрные шорты с белой полоской. На голове красовалась повёрнутая назад козырьком когда-то белая бейсболка с логотипом давно переставшей существовать спортивной команды.

Рыжая шёрстка кобылки лоснилась от пота, футболка липла к телу, а взмокшая сиреневая грива так и норовила влезть в глаза.

Убегать на коротеньких жеребячьих ножках от двух взрослых полицейских было трудно, да ещё огибая безразличные громады идущих по своим делам прохожих. Тем более сложно было убегать с небольшим кейсом, судорожно удерживаемым на спине куцыми крылышками.

— Направо, Скут! — раздался в ухе голос, и пони послушно рванула в указанном направлении.

Узкий проулок поглотил маленькую кобылку. Несколько поворотов, и вот беглянка оказалась в каком-то грязном, обгаженном тупике. Чудо, что до единственной лампочки ещё не добрались ни мелкие воришки, ни хулиганьё.

Кепка пегасенки шевельнулась, и из дыры в материи высунулась голова мыши. Но не обычной, а такой, как миллионы детей привыкли видеть в популярном сериале лет эдак полтораста назад. Вот только выражение ушастой мордочки вовсе не походило на озорного мышонка из мультика, а глаза смотрели на мир взглядом много повидавшего существа.

— Джерри, тут же… тупик! — тяжело дыша, воскликнула пони, — Они нас сейчас догонят!

— Спокойно, — сказал мыш и показал куда-то в гору мусора, — видишь там край люка? Раскапывай.

На мордочке рыжей пони, носившей имя Скуталу, при виде гниющих отбросов явственно проступило отвращение.

— Джерри, тебя, как мышь, возможно, не смущают помойки и такая грязища, но я — пони, и для меня всё это совсем-совсем не круто!

— Скуталу, если ты сейчас же не прекратишь капризничать, то очень скоро будешь мёртвой пони, а это ещё менее круто, чем какой-то мусор! Поэтому шевели копытами!

Дальше маленькая пони спорить не стала. Спустя короткое время люк был откопан и даже открыт.

Заглянув в смердящий чёрный проход, Скуталу спросила:

— Что дальше?

— Дальше? Садись на задницу и съезжай вниз. Там наклонный путь.

— Фу-у…

— Вот только не начинай снова. Они очень скоро просекут, куда ты свернула. Шевелись. Взрослый человек за нами во вспомогательный люк не пролезет, даже если очень захочет. Это единственный шанс оторваться от них в этом районе.

Путь и впрямь оказался наклонным и покрытым слизью от разлагающихся отходов. Рыжая поняша с невнятным писком страха и отвращения скользила вниз, с каждой секундой всё больше ускоряясь. Через несколько мгновений, показавшихся настоящей вечностью, пегасенка вылетела в тускло освещённый зал коллектора и с воплем рухнула в поток, судорожно цепляясь за свою ношу.

Причиной того, что за поняшей с самого утра гонялась полиция, был украденный у какого-то клерка чемоданчик. Скуталу уже прокляла тот миг, когда по наущению Джерри позарилась на небольшой, но явно дорогой кейс, лежащий на скамейке рядом с присевшим поправить ботинок курьером. Выбросить же добычу теперь было слишком жалко: столько всего из-за неё пришлось пережить!

Вскоре маленькая пони, отфыркиваясь и тряся ушами, вынырнула из мутной воды. Кепочка потерялась, и теперь стало заметно, как за давно не чёсаную сиреневую гриву пегасенки цепляется неестественного вида мыш, одетый в видавшие виды штаны и гавайскую рубашку, давным-давно утратившую яркие цвета.

— Ну здо́рово… тьфу!.. — чертыхнулась Скуталу, тщетно пытаясь избавиться от привкуса грязной воды, — Я теперь выгляжу… тьфу!.. просто как мокрая мышь!.. Ой, прости, Джерри.

— Очень смешно, поняша. Давай, отдышись пару минут, а потом плыви в тот тоннель. Торопиться уже некуда.

— Откуда ты знаешь, что в тот?

— Оттуда же, откуда и остальное — жизненный опыт. Я уже так пару раз уходил от погони.

Беглецы продолжали плыть по вонючей трубе, ежесекундно мечтая о том, чтобы перестать чувствовать запахи вообще.

— Смотри, Скут, здесь ведь была решётка, — задумчиво протянул Джерри, пощупав передней лапкой торчащий из низкого свода штырь, — Тут её не должно было быть вообще. Но она была.

— Ну и что, проржавела и вывалилась, — отозвалась пегасенка, отодвигая с пути плывущую плеяду огрызков, — эка невидаль.

— Да нет. Видишь, пеньки прутьев срезаны, а не отломаны, — констатировал мыш, — причём недавно. И это сделали лазером, если я не окончательно ослеп…

— Да с чего ты взял?

— А что ещё может срезать сталь, оставив зеркально гладкий пенёк с потёками металла?

— Ну так беглецов же много. Может кто-нибудь ещё бежал по этой канализации.

— Буквально сегодня? — саркастически уточнил Джеррри, — С лазером? Плыви давай.

— Плыву, плыву… В жизни не встречала более грязной воды.

Джерри вздохнул, хотя вонь и впрямь казалась осязаемой.

— Знаешь, в канализации нет воды в химическом смысле слова… Но одного у труб не отнять, чаще всего они ведут к чему-то, где вода всё-таки есть. Типа озера или реки. В частности, труба похожая на эту, должна выходить к реке.

— Должна? — уточнила Скуталу, — Похожая? То есть ты спасался не по этой трубе?

Джерри не ответил, поскольку труба и впрямь кончилась. Но не выходом в реку, а очередным коллектором, где бурный поток клокотал исполинским водоворотом нечистот и сточных вод, направляющихся куда-то вниз. Очевидно, на станцию переработки или в отстойники.

Скуталу осуждающе скосила фиолетовые глаза на Джерри.

— Слушай, — сказал мыш, виновато разведя руками, — в тех книгах, которые я читал, или, во всяком случае, жевал, говорилось, что канализации всегда впадают в какое-нибудь озеро! Откуда мне было знать, что авторы этих книг никогда не попадали в нашу ситуацию? К тому

же, труба и впрямь походила на ту, по которой я тогда выплыл в реку!

— Знаешь, если мы отсюда выберемся, то нас смогут найти просто по запаху! — проныла пегасенка, — Вторых таких вонючих пони и мыши просто не найти во всём Гигаполисе!

— Спокойно. Я, кажется, знаю, где мы. И если сможем открыть во-он тот люк, то попадём в восходящий технический водопровод Белого города. Там нас точно искать не будут.

— А что, в этой трубе вода чистая?

— Относительно. Заодно и помоемся. Правда, поток довольно бурный, но до распредузла там никаких резких поворотов быть не должно, там же и технологический люк…

— Тоже «должен быть»? — фыркнула Скуталу, — Ты говорил то же самое про этот проклятый чемоданчик, чтоб его. Тот тоже «должен был» быть чем-то ценным. Но видимо, ценность его так велика, что за нами теперь гоняются копы. Хорошо ещё, не спецназ… Ай!

— Ты закончила? — спросил Джерри, чувствительно дёрнувший сиреневую прядь, — Я обещаю, мы как следует отдохнём, когда попадём в Белый город. Если в чемоданчике что-то слишком ценное, мы не сможем это продать. Но мы сможем продать сам кейс и выручить сотню-другую кредиток. Купить нормальной еды, возможно, что-то из снаряжения. А груз отправим хозяевам по почте, чтобы не сильно злились.

— Серьёзно?

— Конечно. Я так однажды вернул какой-то диск, даже извинительное письмо написал. Так мне даже ответили на тот анонимный ящик, которым я пользовался, что снимают обвинение в краже. То, что я, продав футляр от этого диска, месяц прожил, их не волновало. Схема отработана.

— Это просто круто, — захихикала пони, осторожно пробираясь по нависающей над зловонной бездной толстой трубе, — а что теперь?

— А теперь, когда ты отдохнула и послушала интересную байку из моей жизни, поработай немного копытами. Да, вот тут. Отвернуть этот кран и отдаться на милость бурного потока. Романтика!

— В этой трубе хоть воздух-то есть?

— А как же. Но на всякий случай, помнишь, ты стащила пакет с чьей-то снарягой? Рециркуляторы воздуха я не продал. Мало ли, в какие заражённые здания нас может занести? С водой они тоже работают. Так что достань из своей сумки медную трубку с запечатанными концами, возьми её в рот и, как почувствуешь себя готовой, ныряй. Только не забывай иногда

делиться. Эта штука одноразовая, но должно надолго хватить.

Через несколько наполненных пыхтением и сдавленной руганью секунд раздался громкий скрежет и лязг металла о металл.

* * *

Возле входа в грязный переулок между домами Серого города притормозила серая колёсная машина с тонированными стёклами.

Невдалеке стояла ещё одна, только её цвета и мерцающие красные огни на крыше не оставляли сомнения в принадлежности к полиции Европейского Гигаполиса.

Из «гражданской» машины вышли двое.

Один — худой и высокий, скрывающий глаза за тёмными очками. Сжатые в тонкую полоску губы придавали лицу выражение презрения или даже ненависти ко всему сущему, а надвинутая на глаза шляпа дополняла недружелюбный образ. Руки человек держал в карманах чёрного плаща.

Второй тоже носил плащ, но светло-серого цвета, а лицо принадлежало мужчине лет пятидесяти с хитроватым прищуром и добродушными морщинками в уголках серо-стальных глаз.

Люди подошли к полицейскому, лицо которого наполовину закрывал тактический шлем. Напарник полисмена остался в машине, сказав, что от общения с корпорантами его тошнит.

Представляться новоприбывшим не понадобилось — имплант считал всю информацию со штрих-кода на значках и подал её в мозг полисмена как нечто само собой разумеющееся. Судья Рок и детектив Трейси, представители сыскного подразделения БРТО. Чрезвычайные полномочия, доступ «ноль» — абсолютный допуск к делу, решение и приговор на месте. Приговор известно какой — у обоих под плащами наверняка по бластеру.

— Сэр, мы загнали их в угол, и им никуда не деться, — отрапортовал коп.

Детектив и судья молча заглянули в узкий зазор между домами. Когда-то при планировке допустили ошибку, и между домами осталась щель буквально метровой ширины. Деться оттуда было некуда: согласно сканеру, после поворота направо беглецов ждал глухой тупик.

В принципе, полиция могла бы уже и взять беглых синтетов, но по чрезвычайному распоряжению пришлось ждать группу представителей БРТО. После этого напарник и заартачился, усевшись в машину и буркнув: «Пусть тогда сами ловят эту рыжую хрень».

Более высокий и худой корпорант зашёл в переулок и скрылся в тенях. Через несколько секунд он вышел и спросил у копа:

— Скажи мне, мой любезный друг, а вы внутрь заходили?

— Эм-м, — протянул почувствовавший неладное полисмен, — Сэр, так на карте же тупик…

Судья снял очки. Под ними оказались глаза со зловещей красной радужкой, выдававшие киберимпланты ночного видения.

— Вы в курсе, что уже давно упустили их? — спросил судья, глядя на полисмена.

Тот не нашёл ничего лучше, как возразить:

— Но там же нет прохода, сэр. До окон высоко, а люк не предназначен для людей, только для ботов… А по нашим наблюдениям, это… существо не умеет летать, несмотря на наличие крыльев.

Судья сунул очки в карман и стал массировать виски.

— Спокойно, спокойно, — процедил он сквозь зубы, — это всего лишь тупой коп, не видящий дальше свистка и тактического шлема…

— Но сэр!..

— Не нужно меня сэркать, мистер. Вы случайно не забыли, какого размера беглецы? Лошадка размером с собаку и гребаная мышь. Они с лёгкостью пролезли в технологическое отверстие водослива, и сейчас уже чёрте где!

Взгляд красных глаз как будто пронзал насквозь даже сквозь забрало шлема. Полисмен отступил на шаг.

— Сэр…

— Ни слова. Ни единого гребаного слова, или я тебя засуну в тот люк, куда сбежали эти синтеты. По частям. И не скажу, что мне это не понравится.

Вскоре все трое стояли возле смердящего зева заброшенной технологической трубы.

— Куда ведёт этот лаз? — спросил судья.

— Это старая труба водослива. Ведёт в первичный коллектор.

— Стало быть, они выберутся в районе Белого Города, — подал голос молчавший до сих пор детектив, — Либо через кабель-каналы, либо через капиллярные стоки.

— С чего ты взял? — спросил судья Рок, тоже смотря в чёрный зев люка.

— Всё просто. Вниз там все трубы ведут к перерабатывающим комплексам. А в сторону никаких ходов просто нет.

— Я могу вам ещё чем-то помочь? — подал голос полицейский.

Судья незамедлительно высказался:

— О, ты можешь. Иди и кинься с моста, пусти себе луч в башку или вены вскрой. В общем, избавь этот мир от своей тупости.

Коллега не согласился с ним:

— Боюсь, в этом случае тупости в мире убавится на величину, в математике называемую бесконечно малой…

— Хочешь сказать, что в этой пустой башке её мало? — усмехнулся судья.

— Хочу сказать, что потеряется в общей массе.

— Я просто делаю свою работу, сэр, — сказал коп, переступив на месте.

— Да? — Судья окинул полицейского взглядом, — Ну может тогда займёшься работой, на которую тебе хватает мозгов? Там я не знаю, вылизывать дороги языком, а? Нет! Не отвечай. Я не хочу, чтобы ты разевал свою пасть в надежде сморозить очередную чушь!

В голосе полисмена послышались холодные нотки:

— По крайней мере, помимо работы, в моей жизни есть семья и те, кому я небезразличен. То, чего не понять тому, кто родился в пробирке с единственной целью — убивать себе подобных. А

Ваши полномочия — суть бирка, наклеенная компанией-производителем, не более. То что эти полномочия признаются муниципалитетом — лишь следствие денежных вливаний корпорации в бюджет города, не более.

На щеках судьи заиграли желваки, а детектив спросил:

— Как вы узнали, офицер?

Тот пожал плечами.

— Во-первых, удостоверение мистера Рока оканчивается на две цифры, а, будь он человеком, оканчивалось бы на инициалы. Во-вторых, одержимость работой и мелочная злоба на всё, что не похоже на него самого. Обычно так себя ведут завидующие людям синтеты. Наконец, у него синий статус нейрочипа с правом собственности БРТО.

С этими словами полисмен пошёл к патрульной машине, а детектив слегка толкнул напарника локтем.

— Что ты там насчёт тупости говорил?

— Это ничего не меняет, — буркнул тот, — Он наблюдательный дурак, который тешит себя мыслью, что он кому-то небезразличен. Типичный самообман людей.

Трейси улыбнулся и ничего не ответил. Оправдание было просто жалким.

Серый город вокруг жил своей жизнью. Как и сотни лет назад, спешили по делам прохожие, куда-то катился колёсный транспорт. Наверняка ничью голову сейчас не занимали мысли о том, что будущее уже давно наступило. Мечты человечества стали осуществимы благодаря науке и идеям фантастов. Но как оказалось, никому из обывателей это оказалось не нужно. Зачем нужен космос, когда есть виртуалка? Кому нужна почти дармовая энергия, когда можно делать деньги на продаже электричества? Какой толк от летающей машины в бетонном мешке, увитом коммуникациями и проводами?

Белый Город был просто-напросто районом богатеев.

Кто-то, особенно в период юношеского максимализма, спал и видел, как бы переехать туда. Некоторым в этом рафинированном раю технологий будущего даже удавалось поселиться. Но подавляющее большинство оставалось тут, в Сером городе, на всю жизнь.

— Скажи, а у тебя ведь был прототип в каком-нибудь шоу? — спросил Трейси, открывая дверь машины.

— Заткнись, — огрызнулся синтет, усаживаясь за руль.

— Видимо, был… — задумчиво резюмировал детектив, — И за кем ты гонялся, интересно. Наверняка за добрыми, милыми зверушками…

— Закрой. Свой. Рот.

Человек улыбнулся. Обижаться на синтета он не собирался. В конце концов, он не был виноват в том, что его создали именно таким.

— Мне вот интересно, кому понадобилось создавать такого синтета как ты?

Судья, включив автоводитель, усмехнулся.

— Тому, кто знал, что за синтетами будет вестись охота, — сказал он, — Я знаю, как они думают и о чём мечтают. Я знаю, куда они пойдут и что будут делать. Так что слушайся меня и через пару дней мы найдём эту пони с минимальными потерями среди гражданского населения.

— С минимальными что? — детектив не поверил своим ушам, — Так, не забывай, что это ты находишься у меня в подчинении, а не…

Судья резко повернул голову, вонзив в человека взгляд красных глаз, а его рука метнулась к кобуре, спрятанной под плащом. Но матово поблёскивающий бластер только показался из-под плаща, как точно такой же, принадлежащий Трейси, уже подмигнул целеуказателем, направляясь синтету в лоб.

— Полегче, ковбой. Я охотился на очень хитрых и быстрых синтетов раньше, чем утвердили твой прототип. Кроме того, если ты убьёшь меня, то моментально превратишься в того, кого всю жизнь презирал — в цель для охотников за беглыми синтетами.

Человек выделил предпоследнее слово, и пыл дискуссии немного поугас.

— Слушать тебя? — прошипел судья, — Я лучший в своём деле и всегда выполняю работу до конца. А ты старик, мечтающий о пенсии.

Так и не вытащенный до конца пистолет убрался обратно под плащ.

— Не злоупотребляй отсутствием стоп-скрипта, полубоевой ты наш, — посоветовал Трейси, — Себе же хуже сделаешь.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — продолжил Рок, проигнорировав реплику детектива, — и о чём мечтаешь тоже. Вижу тебя насквозь, как синтета в бегах. Ты хочешь выйти на пенсию и уехать за город, в зелёный сектор. Разводить цветочки и писать мемуары в жалкой попытке немного заработать под старость. Небось, ещё заведёшь себе синтета? Кто это будет? Фальшивый ребёнок? Молодая шлюшка? Или во, идея — заведи себе цветную говорящую лошадку, на которых все кругом помешались!..

Трейси нашёл в себе силы улыбнуться.

Может ли понять тот, у кого не было ни семьи, ни детства, каково это — остаться без человека, которого любил всю жизнь? И как хочется дожить до обеспеченной пенсии после сорока лет службы в полиции, когда чужие трагедии касаются души, будто острыми лезвиями вскользь?

И как израненное сердце взаправду хочет покоя.

— Да-да, я понимаю, что твоя ранимая душа желает любви, ласки и заботы, и если настаиваешь, я смогу организовать небольшой сарай. Будешь там жить и помогать выращивать цветы. Я даже тебя могу разукрасить в разноцветные цвета и приклеить хвост с гривой, раз уж ты настаиваешь. Обнимемся?

Судья сжал зубы и закатил глаза в театральном жесте отчаяния.

— Трейси, ты просто старый идиот, — сказал он, — Вся твоя жизнь такая… Дик. Не, серьёзно, Дик Трейси?

— О да, — улыбнулся человек, — Мои родители были очень оригинальны, мистер Судьба. Займись-ка делом, выключи автоводитель и провези нас в обход забитых магистралей.

Добраться до Белого города на колёсах было не так-то просто. Доехать до центральной части города, подняться по серпантину транспортных магистралей, миновать несколько КПП и, наконец, оказаться в мире будущего…

* * *

Сибирь играла в истории человечества самую разную роль. Ресурсная кладовая и как следствие — поле боя. Экологический заповедник, сохранившийся даже в горниле человеческой истории. Мистический край, преисполненный древних тайн.

Сейчас в бескрайней холодной тайге тут и там высились пирамиды нанопреобразователей, вытягивающих из недр оставшиеся ресурсы. Помимо них была всего пара-тройка резерваций, закрытых для посторонних и населённых замкнутыми общинами людей, не приемлющих политики уплотнения, породившей Гигаполисы. Были ли спрятаны в тайге или вечной мерзлоте тайные бункеры и наследие старых сверхдержав, доподлинно знали немногие. Но благодаря безразличию большинства обывателей и множеству недостоверной информации, изливаемой масс-медиа, территория бывшей России считалась краем странным, диким и запущенным. Тут так и не было построено ни одного исполинского городского комплекса, если не считать двух «стрел» Серого города Европейского Гигаполиса, протянувшихся к бывшим крупнейшим городам России в Европе, и нескольких районов крупнейшего в мире населённого пункта, Китайской Аркологии, северной частью поглотившей портовые города у Тихого Океана.

Но был тип людей, кто предпочитал благоустроенные, но отдалённые от Гигаполисов жилища далеко от цивилизации. Ощетинившиеся мощными антеннами, укреплённые подобно бункерам, по Сибири тут и там были разбросаны особняки обеспеченных граждан, ищущих уединения.

Таков был Бартоломью Стюарт, или попросту Дед, как его почтительно именовала семья уже более восьмидесяти лет.

К обледенелой обители, возвышающейся над дремучим лесом серой полимерной башней, слетались флаеры.

Виктор, даже не пытавшийся противопоставить метели лётные навыки, доверился автопилоту и всю дорогу наслаждался видами. Вернее, делал вид перед самим собой, что наслаждался. Он не любил эту мрачную крепость, которую Дед льстиво называл особняком. Не любил этот промёрзший край, не любил здешнюю погоду и, положа руку на сердце, не любил видеться с роднёй. Наклеенные улыбки, обсуждение сплетен и отсутствующих на сборе родственников, фальшивое выражение признательности… Вика от всего этого тошнило. Равно как и от матримониальных планов матери, на каждом собрании желающей познакомить сына с очередной «очень приличной дочкой близкой подруги».

Как правило, после нескольких минут общения с девицей Вик без труда понимал, что её в первую очередь интересует либо зелёная репродуктивная карта Виктора, либо возможность переезда на более высокий уровень Шпилей.

«Поневоле начнёшь понимать тех, кто живёт с синтетами, — подумал Вик, вспомнив искренние глаза Лиры, — Искусственная девушка, по крайней мере, не будет лицемерить. А если начнёт испытывать чувства, то неподдельные…»

«Лайтнинг» Виктора опустился рядом с чёрным «Кондором» родителей. В сугробе с другой стороны ещё угадывался огромный «Лунь» Деда, которым, похоже, не пользовались уже месяцами.

Все прибывшие старались как можно быстрее покинуть продуваемую всеми ветрами посадочную площадку.

Как и всегда, сбор семьи Стюартов начинался с фуршета. Горячая еда и немного алкоголя — что может быть прекраснее холодным сибирским днём?

Вик сел почти в самом конце стола, мечтая, чтобы всё поскорее закончилось. С удовольствием перекусив горячим блюдом из мяса и картошки (натуральные!), он отпил вина из хрустального бокала и стал ждать Деда. Болтовня не занимала, устраивать танцы и вообще развлечения Дед не любил, поэтому оставалось просто скучать.

В общем гомоне вдруг выделился голос матери, рассказывающей нескольким родственникам о том, что произошло утром.

Сердце у Вика дрогнуло. Он почувствовал, что краснеет от несправедливого упрёка, который с подачи матери будет всеми принят за чистую монету.

Он встал и пошёл к тому дивану, где расположились женщины, отец и дядя Алекс. Причём сокращение было не от «Александр», а от «Алексис», и Виктор доподлинно знал, что у дяди живёт девушка-синтет по имени Фрейя. По сути, светловолосая красавица была для одинокого мужчины и прислугой, и собеседницей, и любовницей. Вик об этом знал, потому что не раз гостил у дяди, и однажды тот даже предлагал воспользоваться Фрейей в качестве первой любовницы. Дескать, большой мальчик уже, пора.

Вик тогда испугался и отказался, и спустя несколько месяцев увлёкся одной из подсунутых мамой девиц. Впрочем, отношения не сложились, когда девушка начала даже не просить, а требовать доступа к личному терминалу и счёту Виктора, упирая на то, что, на правах невесты, должна знать всё, хотя ни о чём таком даже речи ещё не шло.

Навстречу развернулись улыбающиеся лица, а какая-то девушка (наверняка очередная кандидатка на руку, сердце и прочую требуху Виктора) не удержалась и прыснула в кулачок.

Дядя пожал парню руку:

— Здравствуй, Вик. Сэлли нам всё рассказала. Вот уж не думал, что с таким обилием девушек вокруг ты увлечёшься… маленькой лошадкой. Впрочем, теперь всё встаёт на места.

— Что — всё? — не понял Виктор.

— Раз за разом терпящие крах попытки матери найти тебе девушку из приличной семьи. Нет, ты же знаешь меня, синтет — это можно понять, но пони? И что тебя в ней привлекает?

Одна из тётушек, Грейс, подала голос:

— Эти синтеты окончательно развратили молодёжь! И если раньше все держали свои грязные фантазии в виртуалке, то сейчас можно завести себе любую тварь и предаваться с ней… всякому.

Виктор почувствовал, как стыд и неловкость сменяются разгорающимся гневом.

Он нахмурился и резко отрубил:

— Лира — не тварь!

Улыбки стали шире.

— Так значит, она теперь «Ли-ира», — протянула девушка, рассмеявшись уже открыто, — И как она? Любишь пушистеньких, да?

Отвращение в душе Вика смешалось с гневом и выплеснулось наружу. Кулак грохнул по журнальному столику, за которым сидели родственники.

— Я. С ней. Не сплю! — прорычал Вик, потом осёкся, заметив, что на них начали оглядываться, — То есть сплю, но не в этом смысле…

Взгляды родственников говорили куда красноречивее слов.

Вик, которого будто окатили ледяной водой, в ужасе подумал:

«Боже мой, и это моя семья… и они меня зовут извращенцем!»

Парень повернулся спиной и пошёл прочь, не желая больше слушать грязные слухи, моментально принятые как истина в последней инстанции.

— Вот интересно, а век назад были такие проблемы? — донёсся голос тётушки Грейс.

Дядя Алекс отозвался:

— Не такие, но были. Дед подтвердит. Это был первый шаг к пропасти. Потом появилась виртуалка и те, кто реальному миру предпочитал её. Но большинство перебесилось. Даже Дед через это проходил.

Вмешался молчавший до сих пор отец:

— Ну и не гоните на парня. Перебесится тоже.

«Спасибо, папа», — подумал Вик.

Отец, хотя и тоже думал как остальные, явно был на его стороне.

Виктор вернулся за стол. Аппетит совсем пропал, и Вик было подумал, не напиться ли. Благо, крепких напитков на столе хватало. Соблазн затуманить сознание алкоголем и забыть о проблемах на пару суток был огромен. Но вдруг Виктор вспомнил о Лире, и подумал, что поняше это определённо не понравится. И рука, уже тянущаяся к запотевшему прозрачному графину, отдёрнулась.

Дальнейшие размышления Вика прервал появившийся, наконец, во главе стола Бартоломью Стюарт. Барт, Дед или Старый Пердун, в зависимости от того, какой из родственников и в каком контексте отзывался о главе семьи.

Насколько Вик помнил рассказы родителей, Дед возглавлял семью ещё тогда, когда отец был ребёнком. И до того, почти век назад. С тех пор старший Стюарт омолаживался, но внешне оставался прежним: крепким мужчиной лет шестидесяти, которого язык не поворачивался назвать стариком. Прямая спина, цепкий взгляд серых глаз и еле заметная усмешка на плотно сжатых губах.

Создавалось впечатление, что Дед видел всех присутствующих насквозь и заранее мог сказать, что на уме у каждого.

Виктор слушал тяжёлый, ровный голос Барта Стюарта и не верил своим ушам.

Дед собирался уйти на покой. Мало того, что он заперся в этой башне среди тайги, так теперь ещё и отказывался от руководства и семейными сбережениями, и бизнесом, и даже самоустранялся от роли духовного лидера.

Но самое главное, Дед больше не собирался омолаживать тело. А значит, что лет через десять произойдёт то, что случается с теми, кто использовал наноомоложение и не продлил курс. Наниты, выработавшие свой срок действия, перестанут поддерживать организм. Результатом станет резкое старение и смерть в течение буквально месяца.

Судя по удивлённым лицам и повисшей в зале гнетущей тишине, родственники испытывали схожие чувства.

Дед продолжал вещать:

— Наверное, вы сейчас задаётесь вопросом, почему Старому Пердуну надоело топтать эту землю. Не буду мучить вас сомнениями. Главная причина, по которой я спустил в унитаз

контракт «Наномолодости» — это то, что меня уже тошнит от этого мира. От семьи, которая должна быть опорой и поддержкой, а превратилась в сборище наклеенных улыбок, взаимного обмана, ненависти, безразличия… — тяжёлый взгляд стальных глаз впился в Виктора, — и извращений.

«Она и ему уже успела сказать! — мысленно запаниковал парень, — Ну что за трепло такое, дай только посудачить о чужой постели!.. Спасибо, мама, большое!»

Он бросил на мать сердитый взгляд, но та не обращала внимания, поедая Деда глазами.

— И ни черта́ в этом мире не меняется, — продолжал говорить тот, — Как сто лет назад обывателя не интересовало ничего, кроме жвачки для пуза и жвачки для мозгов, так и сейчас. Как это ни подноси. Началось всё с масс-медиа, кончилось виртуалкой и синтетами, а что придумают дальше, даже думать не хочу. Поэтому — скриплю последний десяток лет — и счастливо оставаться!

Дальнейшее было как в тумане.

Среди Стюартов поднялась настоящая буря. Кто-то, наклеив на лицо самую искреннюю улыбку из арсенала, начал утверждать, что «надеется, дедушка передумает». Другие чуть ли не в открытую принялись обсуждать, как теперь быть с делами семьи, завязанными, в основном, именно на Деда? Успеет ли преемник разгрести дела за неполный десяток лет?

Виктор встал из-за стола и вышел на балкон. Признаться, он почти везде и всегда так делал, когда начинал чувствовать психологический дискомфорт. В частности, от родственников он всегда убегал на свежий воздух, потому что в их присутствии будто начинал чувствовать зловоние…

Ледяной ветер впился в тело, стегнув по лицу потоком снежинок.

Простудиться не грозило. С рождения каждому ребёнку с зелёным чипом прививали такое количество модификаторов и нанит, что ни у одной распространённой в прошлом болезни не было ни малейшего шанса.

Семейное собрание грозило затянуться. Виктор поднял коммуникатор и набрал номер дома.

— Вы позвонили в дом Виктора Стюарта, — произнёс его собственный голос, — Сейчас я не могу Вам ответить, поэтому оставьте сообщение после сигнала.

Вик назвал пароль, и голос стал механически-безликим:

— Система автоконтроля дома «Смарт Хауз-800». Ожидаю распоряжений.

— Лира дома? — спросил Вик.

— Отрицательно, — отозвался безэмоциональный голос машины.

Компьютер не задавал вопросов. Вик уже ввёл в его память голос и образ Лиры, и теперь машина воспринимала пони просто как ещё одну обитательницу квартиры, имеющую право отдавать команды.

— Как придёт, скажи ей, что я задержусь у Деда по важному делу. Ещё передай дословно: «Чувствуй себя как дома».

— Принято.

Вик отключил связь. Он был уверен, что умная пони без труда освоится в квартире и без него.

Сзади раздались шаги.

Парень оглянулся и уивдел Деда, который, не обращая на Виктора внимания, прошёлся к краю балкона. Затянулся старомодной трубкой и, выпустив из ноздрей мгновенно унесённый ветром дым, повернулся к потомку.

— Крах и катастрофа, — протянул старший Стюарт, — Я разочарован.

— Что? — не понял Виктор.

— Я надеялся, что хотя бы один из моих родственничков адекватно среагирует на мой уход. Хоть один. Ему бы досталось всё. Но нет.

— Дед, — позвал Вик, и стальные глаза впились в парня подобно клинкам, — Ты ведь не всерьёз? Не собираешься ждать старения?

— Нет, не собираюсь.

Виктор улыбнулся и облегчённо вздохнул, но радость оказалась преждевременной. Старый Стюарт усмехнулся и добавил:

— Когда я почувствую, что готов, я возьму своего лучшего друга «Мистера ноль-сорок-пять», засуну ствол в рот и спущу курок, разметав мозги по стенам.

Судя по язвительной усмешке, переход от улыбки облегчения к ужасу напополам с удивлением глава Стюартов наблюдал сегодня уже не впервые.

Дед увлекался старым огнестрельным оружием. В подвале дома был настоящий арсенал, от совсем уж примитивных мушкетов до современных образцов, что до сих пор ещё можно было встретить в Гигаполисах. Кое-что даже стояло на вооружении у полиции и армии: иногда пули превосходили лазеры по эффективности — особенно в местах, где использование энергоячеек было небезопасно.

— Только попробуй начать меня отговаривать, сопляк, — сказал Дед, — и сразу получишь.

Виктор, открывший было рот как раз для этого, тут же его и захлопнул. Действительно, а кто он такой, чтобы переубеждать человека, полтора века топчущего землю и оставшегося под старость безумно одиноким. И среди обледенелой тайги чувствующего себя даже лучше, чем в окружении лживой, лицемерной семьи.

«Я бы мог сказать, что понимаю тебя, — подумал Виктор, глядя деду в глаза, — И в этой «лошадке», а точнее, пони по имени Лира, я нашёл то, о чём ты тоскуешь полвека. А вовсе не любовницу, как думают все… Мог бы тебе сказать, но ты не захочешь слушать…»

— Я не буду тебя отговаривать.

Но Дед понял по-своему:

— Размазня, — процедил он и сплюнул за перила, — Остались в этом мире ещё парни с яйцами, или скоро почкованием будете размножаться?

Прежде, чем вскинувшийся Виктор успел возразить, глава семьи повернулся и быстро защагал прочь. Порыв ветра забил слова обратно в рот, а в следующую секунду Дед скрылся в доме.

Порыв догнать и объяснить ситуацию вдруг угас, едва начавшись.

Какая разница, что считает угасающий патриарх рода? Виктор никогда не претендовал на главенство в семейном бизнесе. И уж точно не метил на духовное лидерство.

Как никогда раньше хотелось оказаться дома. Просто плюнуть на всё, взять флаер и улететь.

Но поступить подобным образом — это был всё же слишком демонстративный шаг, которых Виктор не любил.

Кроме того, вспомнилось, что дома его ждут, и на сердце сразу потеплело.

Вик улыбнулся.

Когда ты кому-то небезразличен, когда дома тебя ждёт настоящая маленькая пони, разве может ругань и презрение глупцов разрушить это?

Да никогда.

http://tl.rulate.ru/book/82033/2552523